

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

К. В. ХВОСТОВА

КОРОТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Короткое историческое время определяется как ситуационное и как повторяющиеся функциональные связи факторов в пределах определенного временного интервала. Рассматривается кайрологическое историческое время. Анализируется короткое историческое время, противостоящее историческому агенту. Рассматривается проблема связи идей позитивизма и современного постпозитивизма. Анализируются факты релятивизма в современной исторической науке. Выводы иллюстрируются на материале источников по истории Византии.

Ключевые слова: *короткое историческое время, кайрос, циклизм, тенденции, индукция, математическое моделирование, позитивизм, постпозитивизм*

Историк, изучая прошлое, различает длительное и короткое историческое время. То и другое может относиться к пространствам разной размерности. Наиболее изученным является длительное время, отличающееся большими диапазонами и относящееся к пространствам большей размерности. Это время характеризует эпохи, культуры, цивилизации, государства. Длительное время является содержанием исторических и социологических теорий, в частности оно находилось в центре внимания Ф. Броделя и М. Блока¹.

Короткое историческое время также может сочетаться с малыми и большими пространствами. Это время измеряется фактом, совокупностью фактов и, как правило, событием или несколькими событиями. Короткое время – это время ситуационное. В ряде исследовательских ситуаций короткое историческое время является повторяющейся взаимосвязью между фактами и событиями в рамках фиксированных фаз, циклов, интервалов длительного времени. Предметное, качественное содержание таких фактов и событий естественно меняется на протяжении длительного периода, но повторяется структура, т.е. способ взаимосвязи. В таком случае речь идет об однородных тенденциях в рамках фиксированного хронотопа. Эта структура является некоторой константой, которая в рамках научного исторического исследования воспринимается как формальная модель. Она может выражаться словесно или с помощью числовых показателей, в т.ч. полученных в рамках математического моделирования с помощью вероятностно-статистических методов или дифференциальных уравнений.

¹ Репина 2011. С. 88.

Короткое историческое время (фаза, интервал, цикл), как отражающее историческую событийность, является тем существенным признаком, который отличает историческую науку от социологии и экономического знания. Это отличие, как неотъемлемый признак историописания, нуждается, на наш взгляд, в специальном рассмотрении с учетом современных междисциплинарных связей, обусловивших появление новых научных направлений. Лидер современной синергетики И. Пригожин, характеризуя научные перемены, ставшие явными в конце XX в., отмечал тенденции к известному сближению не только естественных и общественных наук, но и специальных естественнонаучных знаний и историописания. Этот процесс, по мнению ученого, связан с возрастанием роли принципа историчности в естественнонаучных дисциплинах и, соответственно, с появлением значимости исторического нарратива, как репрезентации знания в целом². Другой видный представитель синергетики К. Майнцер подчеркивал возрастание в современных естественных науках роли событийности, связывая это явление также с влиянием гуманитарного знания³.

Влияние гуманитарных наук, в частности, истории с ее вниманием к короткому времени, на постпозитивистскую эпистемологию и методологию прослеживается в том значении, которое в современной науке придается таким эвристическим приемам, как фрактальность, детализация, деструкция целостности и формирование ее нового образа, междисциплинарность и трансдисциплинарность. Что касается этого последнего методологического и шире – эпистемологического принципа, состоящего в создании комплексного представления об изучаемом объекте путем включения в его образ гетерогенных проявлений, схожих лишь по своей функциональной роли, то он явно обнаруживает влияние практикуемых в историописании исследовательских процедур. Трансдисциплинарность представляет собой расширенную историческую сравнительную интерпретацию, состоящую в нахождении сходства в разновременных и находящихся в разных пространствах объектах изучения. Конкретно-исторические исследования, очевидно, повлияли на современную эпистемологическую и методологическую стратегию постпозитивистской науки, провозгласившей принцип «конец метанарративов», подразумевавших поиск глобальных оснований и общих законов изучаемых явлений⁴. Иными словами, наблюдается возрастание научной значимости присущего историографии индивидуализирующего подхода, названного М. Хайдеггером «размыкание прошлого»⁵.

² Пригожин 1991. С. 50.

³ Майнцер 2010. С. 86.

⁴ Рзаева 2014. С. 25.

⁵ Хайдеггер 2002. С. 434.

Соответственно, в современной постпозитивистской эпистемологии большую роль играют идеи экзистенциализма М. Хайдеггера, интуитивизма, феноменологии и событийности Э. Гуссерля, деструкции, детализма и плюрализма представителей постмодернизма. В рамках названных философских направлений историческая методология, связанная с событийностью, конкретизацией, получает не только эпистемологическое оправдание, но и поднимается до уровня одной из лидирующих научных современных стратегий.

Все сказанное определяет правомерность детального рассмотрения исторических примеров короткого исторического времени как основного приема современного понимания исторической событийности. Одним из его вариантов является малоизученное *кайрологическое время*. Понятие *кайрос* обозначало в Античности момент благоприятный для свершения определенного действия⁶. Хайдеггер принял античное понимание кайроса и определил историческое время как «время... для»⁷. В Византии, испытавшей сильное влияние античной культуры, понятие *кайрос* получило значительное распространение. «Кайросы – это душа вещей и, если кто-либо не умеет ими воспользоваться, то может возникнуть большой ущерб делам», – говорится в преамбуле одной из жалованных грамот XII в.⁸ Представляется, что в рамках современного знания понятие "кайрос" может рассматриваться как метафора логической импликации, т.е. высказывания, вводимого союзами «если... то». Союз «если» предшествует характеристике благоприятного момента, тогда как союз «то» вводит описание поступка.

Понятие «кайрос» содержало, таким образом, оценку поведенческой ситуации в пределах фиксированного временного диапазона. При этом предполагалось, что схожие по своему функциональному значению ситуации могут повторяться в границах некоторого более длительного времени. Соответственно, византийские историки признавали «возможность предвидения будущего на основе знаний о прошлом»⁹. Иными словами, идея кайрологического времени в Античности и в Византии была тесно связана с темпоральными представлениями о циклическом времени, фиксирующем круговорот событий в рамках определенного временного диапазона. Античное понимание циклического короткого времени ярко проявляется в часто цитируемых в философской литературе высказываниях Гераклита о космосе, как вечно живом огне, «мерами загорающим и мерами затухающим»¹⁰, а также о реке,

⁶ Аристотель 1999. С. 798. 4 (V).

⁷ Хайдеггер 2002. С. 414.

⁸ Actes de Lavra 1979. No. 133. P. 50.

⁹ Nicephori Gregorae 1830. P. 618.9; Georgii Pachimeri 1885. P. 13; Démétrius Cydonés 1960. No. 133.

¹⁰ Материалисты Древней Греции. 1954. С. 47.

в которую «мы входим и не входим... В одну и ту же реку нельзя войти дважды»¹¹. Эти идеи Гераклита, отражающие понимание циклических временных процессов, сочетались с общими античными представлениями о едином космическом линейном временном процессе. Характерно, что образ текущей реки Гераклита как выражение сочетания изменчивости и неизменности, т.е. единства противоположностей, проявляющееся во временном круговороте явлений, использовал М. Мерло-Понти: «Вода, которая будет проходить завтра, в настоящий момент уже есть...»¹².

Античные идеи постоянного возвращения ситуаций, их круговорота были восприняты в Византии, причем циклические перемещения событий усматривались не только в природе, но и в обществе. «Время движется по кругу... вещи по необходимости согласуются со временем... Одни опускаются вниз... другие же вверх поднимаются... Круговорот идет наподобие шара», – говорится в преамбуле одного из актов¹³. «То, что разделяется во времени, объединяется общностью деяний», – утверждал византийский историк XIV в. Никофор Григора¹⁴. Идеи круговорота природных и общественных событий в Византии сочетались с идеями длительного, линейного космического времени¹⁵.

Научная актуальность проблемы короткого обратимого времени, сочетающегося с длительной необратимой линейной темпоральностью, в какой-то мере может быть сопоставлена с проблемами современной физики. Характерно, что в рамках определенных физических теорий специалисты констатируют относительность и уязвимость традиционного представления о единственной, научной значимости прямолинейного, непрерывного течения времени, т.н. *стрелы времени*¹⁶.

Идеи обратимого циклического времени и его разновидности – времени кайрологического, распространенного в Античности и в Византии, предвосхитили в известной мере концепции циклического времени Д. Вико и Б. Кроче, а также Г. Гегеля, который писал: «События, различны, но общее и внутреннее в них, их связь – едины. Это снимает прошлое и делает событие современным»¹⁷. А восходящие к Античности кайрологические и циклические идеи византийской философии истории актуальны не только в рамках современной философии истории и исторической науки, но и для темпоральных представлений эпистемологии и методологии в целом. Отметим в этом плане современные идеи герменевтического круга, самоорганизации систем, развиваемые в

¹¹ Там же. С. 45, 49; Аристотель 1993. С. 686.

¹² Мерло-Понти 1999. С. 521.

¹³ Actes de Docheiariou. 1984. No. 89.

¹⁴ Nicephore Gregorae 1927. P. 152.

¹⁵ Кессиди 1987. С. 132.

¹⁶ Карпенко 2017. С. 180.

¹⁷ Гегель 1993. С. 61.

рамках синергетики, а также концепт «петля обратной связи». Это наименование широко используется в научных исследованиях, означая прием, основанный на обратной функциональной и логической зависимости, согласно которой следствие не только вытекает из гипотезы, но одновременно и подтверждает ее достоверность¹⁸. На основе анализа понятия кайрос в «Политике» и «Никомаховой этике» Аристотеля греческий ученый Э. Муцопулос приходит к выводу о значимости этого понятия и в современной социальной и политической практике¹⁹.

В качестве иллюстрации роли кайрологических представлений в Византии целесообразно рассмотреть преамбулы византийских жалованных грамот. В них говорится о том, что пожалование юридическому лицу, например, крупному монастырю на Афоне, земельных владений и податных привилегий осуществляется в ответ на соответствующую просьбу со стороны физического представителя данного юридического лица. Подобная просьба рассматривалась как благоприятный момент для демонстрации со стороны императорской власти политики поддержки крупного землевладения. Распространённость названной поведенческой практики, постоянный повтор подобных просьб со стороны юридического лица и их поддержки со стороны власти, отражают представление о процессе круговорота одинаковых по своей юридической природе и функциональной значимости событий во времени.

Целесообразно повторить, что внимание к кайрологическим идеям и связанным с ними представлениям о круговороте событий во времени отражает идеологическую направленность современных эпистемологии и методологии в целом. Для современного знания характерны фрактальность подхода, трансдисциплинарность, основанная на снятии оппозиции разновременных гетерогенных явлений, постмодернистская детализация и событийность при изложении материала. Нахождение обратимых взаимосвязей характеризует временную преемственность ситуаций, имеющую нелинейный характер. Однако кайрологическое время никоим образом не предполагает детерминистскую, т.е. необходимую, связь компонентов рассматриваемой взаимосвязи. Кайрологическая темпоральность – это переменная связь условия и поступка, основанная на выборе. Византийцы понимали кайрос как рекомендацию к действию. Допускалось, что агент может не воспользоваться благоприятным моментом, в результате чего возникает «ущерб делам». Иными словами, обратимость данного вида короткого времени, допускающая различные формы поведения агента, характеризуют его способность ориентации в обстановке. Кайрос, таким образом, это форма поведенческой модели, являющейся предметом ценностной оценки.

¹⁸ Агацци 2010. С. 63.

¹⁹ Муцопулос 2016. С. 130.

Однако не всякое короткое историческое время является кайрологическим. В источниках упоминаются многие события, не связанные с деятельностью определенного агента, а противостоящие ему. В рамках современной науки при условии, что соответствующие короткие временные интервалы составляют цепь однородных событий, образующих тенденции и традиции, возникает возможность их изучения с помощью индукции. В этой связи напомним, что в современной эпистемологии доминирует представление об ограниченной познавательной роли индукции. На основе концепций Д. Юма, Р. Карнапа, Б. Рассела, К. Поппера и представителей постпозитивизма утвердилось представление, согласно которому вывод о том, что регулярности, наблюдаемые в прошлом, должны повториться в будущем, всегда проблематичен²⁰. Поэтому индукция не может рассматриваться как основа для прогнозирования общих тенденций и законов изучаемых процессов.

Но в историческом исследовании речь идет о прошлом, проблема прогнозирования будущего не ставится. Именно индукция – основной метод изучения тенденций и традиций, образуемых цепью коротких исторических событий в конкретном пространственно-временном диапазоне²¹. Роль индукции при изучении цепи однородных коротких событий, в рамках циклов, фаз характеризует особое место исторической науки в системе современного знания. Применение в историописании индукции для изучения цепи однородных временных интервалов, фаз, циклов связано с современной практикой математического моделирования, изучением исторической информации о соответствующих явлениях с целью получения количественных характеристик тенденций и традиций. Методологические новшества исторической науки созвучны идеям лидеров постпозитивизма И. Пригожина и К. Майнцера относительно современных тенденций сближения естественно-научного и исторического знания. При этом, как говорилось выше, названные ученые отмечали влияние гуманитарного знания на естественно-научное, проявлявшееся в акцентировании в современной эпистемологии собственных историописанию событийности, коротких временных циклов, детализации как неотъемлемых приемов современной науки в целом.

Как бы вопреки этим сенсационным выводам лидеров синергетики, отметим, что первые фундаментальные исследования, посвященные математическому моделированию в общественных науках, предметом которого являлись короткие временные циклы в цепи однородных событий, образующих тенденции и традиции, появились уже в конце XIX – начале XX в. и основывались на позитивистской философии. В ее рамках развивался прямо противоположный тезис, т.е. говорилось о

²⁰ Миллер 2016. С. 112–113.

²¹ Хвостова 2018. С. 10.

влиянии естественнонаучного знания на гуманитарные науки. Так, Э. Дюркгейм в духе классического позитивизма приравнивал социальные факты к естественно-научным и характеризовал их как вещи²².

Становление при изучении цепей коротких временных интервалов формирующейся постпозитивистской методологии и ее соотношение с позитивизмом отражены в фундаментальной монографии Р. Будона. В частности, автор еще разделяет позитивистскую позицию о единстве каузальности и детерминизма: «Если имеется каузальность, то следует говорить о детерминизме», – пишет он²³. Но в рамках современной постпозитивистской парадигмы, основанной на идее синергетики, понятие «детерминизм» употребляется «только в отдельных случаях»²⁴. Соответственно, особая значимость придается вероятностно-статистическим закономерностям. При этом в цепи коротких однородных временных интервалов каждый интервал имеет свою каузальность.

Однако во взглядах Р. Будона и Э. Дюркгейма, наряду с устаревшей позицией по поводу отождествления детерминизма и каузальностей, имеется ряд выводов, предвосхищавших постпозитивизм. Оба исследователя отмечают специфику моделирования качественных признаков в общественных науках. Отмечая, что условием существования социального факта является только другой социальный факт²⁵, Дюркгейм, по существу, выдвигает идею необходимой конкретизации и индивидуализации при моделировании коротких временных тенденций. Будон также, характеризуя специфику социального знания, подчеркивает, что в его рамках одно и то же событие не влечет за собой с необходимостью одно и то же следствие²⁶. Иными словами, акцентируется значимость плюралистического, а также качественного интерпретационного подхода в общественном знании.

Новаторским и полностью соответствующим современным постпозитивистским парадигмам представляется вывод Дюркгейма о характере «объясняющих» переменных величин в корреляционной модели. По его мнению, названные переменные только тогда способны выполнить свою задачу, если они являются компонентом некоторой сложной сетевой зависимости многих факторов, воспроизводимых исследователем на основе качественного анализа²⁷. Мы оцениваем данные выводы как предвосхищение идей социальной ризомы современного постмодернизма с его пристальным вниманием к многообразию явлений.

²² Дюркгейм 1991. С. 355, 394.

²³ Boudon 1968. P. 21, 22.

²⁴ Пригожин 1989. С. 4.

²⁵ Durkheim 1960. P. 351.

²⁶ Boudon 1968. P. 23.

²⁷ Durkheim 1950. P. 130–131.

Одновременно, полагаем, что Э. Дюркгейм и Р. Будон в определенной мере предвосхитили идеи современного конструктивизма относительно определяющей роли в исследованиях предваряющей его дедуктивной научной модели, подлежащей проверке и опредмечиванию в конкретных исследованиях²⁸.

При рассмотрении короткого исторического времени как объекта моделирования с помощью вероятностно-статистических методов или дифференциальных уравнений, представляет интерес вывод Р. Будона о слабой «замкнутости» социальных систем²⁹. По отношению к исследованиям короткого исторического времени в отдаленном прошлом этот признак проявляется, в частности, в неопределенности соответствующих сведений исторических источников, позволяющих лишь приблизительно определить границы интересующего исследователя короткого временного интервала. Так, византийские источники свидетельствуют, что при пожаловании со стороны императора владений и привилегий крупным земельным собственникам – юридическим лицам данный акт не сводился к соответствующим распоряжениям, имеющим определенную дату. Он растягивался на некоторый временной период, необходимый для осуществления официальных юридических и практических процедур. Этот временной интервал средневековые источники, как правило, не позволяют в точности определить. Иными словами, короткое историческое время, т.е. интервал, фаза, цикл, во всяком случае по отношению к информации источников отдаленных эпох, находящихся в центре нашего внимания, имеют расплывчатый характер. Проблема решается эвристическим методом в рамках конкретного исторического исследования путем сопоставления многих данных и их исследовательской интерпретации. Подобная слабая «замкнутость» делает актуальным не только анализ короткого исторического времени как такового, но и установление его связи с пространством. Возникает, таким образом, проблема хронотопа. Пространство, соответствующее короткому времени, также имеет слабую «замкнутость». Достаточно распространены исследовательские ситуации, в которых границы одного из компонентов хронотопа или обеих его составляющих условны и спорны. Они определяются на основе сравнительного анализа и содержательной интерпретации информации источников.

Важная для исторических исследований проблема хронотопа на первый взгляд противоречит позиции такого признанного специалиста в области темпоральности, как А. Бергсон. Согласно его представлениям, время любой длительности следует рассматривать как предмет психологии и ассоциировать с переживаниями человеком различных жиз-

²⁸ Boudon. 1968. P. 38.

²⁹ Ibid. P. 331–332.

ненных ситуаций. При таком подходе «смещение длительности с протяженностью» Бергсон квалифицирует как «псевдопроблему»³⁰.

Однако мы не ставим целью изучение психологических истоков понятия «время» или процедуры его восприятия и переживания человеком. Нас интересуют формы и значимость времени в социально-историческом бытии. Точнее – восприятие историком протяженности событий в определенном пространстве и в определенный исторический период. При подобной акцентировке время, в равной мере длительное и короткое, всегда связано с пространством как единый хронотоп.

При изучении коротких хронотопов, как и при анализе короткого исторического времени как такового, возникает два исследовательских образа. Один отражает понимание явления его современниками и запечатлен в исторических источниках. Другой связан с личностным индивидуальным подходом историка, учитывающего современные ему историографические, философские, культурологические тенденции. Оба образа – обратимы. А именно: образ, воспроизводимый в источниках, обнаруживает однородную содержательную функциональную связь ряда малых хронотопов в рамках некоторого более крупного хронотопа. Образ, создаваемый исследователем, содержащий новые выводы по предмету, тем не менее создается на основе прошлых исследований. Подобная преемственность и традиционность при изучении как коротких, так и длительных исторических хронотопов иллюстрируется на примере установленной выше связи позитивистской и постпозитивистской научной стратегией. Конкретизирующая методика позитивизма органично вписывается в многофакторную стратегию постпозитивизма.

Возвращаясь к проблеме особенностей рассматриваемых хронотопов, остановимся подробнее на вопросе их размытых границ. Трудности, возникающие при анализе соответствующих явлений, протекающие из личного субъективного характера текста, нарратива источников, свидетельствуют о релятивном характере соответствующих выводов в системе исторического знания. Исторический релятивизм – специфичен, но не уникален. Всякая наука релятивна, в том смысле, что на каждом этапе своего развития решает новые проблемы и дает новую оценку ранее достигнутых результатов. Именно таков характер современного постпозитивизма, включающего синергетику, конструктивизм, постмодернизм, лингвистически-интерпретационные и эволюционно-диалектические стратегии и парадигмы, а также математическое моделирование, равно как позитивистские идеи точности и закономерности.

Представители современного конструктивизма, восходящего к идеям У. Куайна, П. Фейерабенда, а также представлениям критического фальсификационизма К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, подчеркивают

³⁰ Бергсон 2007. С. 133.

множественность функционирующих научных теорий. «Современное знание строится познающим субъектом в виде моделей, которые могут быть как альтернативными, так и взаимно дополнительными»³¹. Подобные модели носят дедуктивный характер, они подтверждаются и конкретизируются в процессе эмпирических исследований. Идеи современного конструктивизма относительно ведущей роли в постпозитивистской науке дедуктивного знания, предваряющего индуктивный анализ конкретики, по отношению к историческим исследованиям не только оправдывают правомерность существования в историописании разных пониманий одних и тех же проблем, но и рассматривают это явление как общее правило научных исследований в целом.

Однако идея первичности дедуктивной концепции по отношению к анализу источников связана с определенным парадоксом. У историка, изучающего прошлое в его конкретике, создается впечатление о первичности этих процедур. Тем не менее, всякое историческое исследование начинается с постановки проблемы, выбора дедуктивной модели, отражающей уровень знания. Короткое историческое время вливается в длительное время, как история впадает в социологию. В рамках этой проблематики, отметим один аспект, который являлся темой собственного изучения со стороны автора данной статьи.

В византийских нарративных источниках и юридических актах XIII–XIV вв. для наименования ряда проявлений социальной реальности используются богословские понятия. Подобные факты отражают обратимость длительного исторического времени, которая проявлялась в своеобразных лингвистических традициях, характеризующих специфическую ментальность и особенности византийской культуры³².

В монографии автора данной статьи, посвященной парадигмальному характеру византийской цивилизации, рассматривается проблема уподобления византийскими мыслителями процедуры принятия решений историческими агентами результату «бросания игральной кости»³³. Как известно, в современной теории вероятностей такой результат с равными исходами именуется равномерным распределением вероятностей. Византийские мыслители на уровне здравого смысла и опыта ориентации в общественной и политической жизни понимали, что шансы на успех решений, принимаемых историческими деятелями, как правило, отнюдь не равны. Поэтому они полагали, что для успешной ориентации в обществе и принятии верных решений необходимо «взвешивать» результаты бросания игральной кости. Эта процедура осуществляется путем учета кайроса.

³¹ Петренко 2011. С. 70.

³² Хвостова 2008. С. 75.

³³ Там же С. 88.

Кайрологическое время таким образом связано с длительным временем культуры и ее ментальными традициями.

Это обстоятельство, как и многие другие факторы, рассмотренные выше, отражают сложную диалектику исторического времени, равно как диалектическое единство византийской цивилизации в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 63.
- Аристотель. Никомахова этика // Философы Греции. М., 1999. С. 798 (V).
- Бергсон А. Мысль и движущееся. Возрастание истины. Возвратное движение истины // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 133.
- Гегель Г.В.Ф. Философия истории СПб., Наука, 1933. С. 61.
- Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 394.
- Карпенко А.С. Логика детерминизма и феномен прошлого // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 180.
- Кессиди Ф.Х. Была ли у древних греков история? // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 132.
- Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 86.
- Материалисты Древней Греции. М., 1954. С. 47.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 521.
- Миллер Д. Машинное угадывание // Вопросы философии. 2012. №7. С. 112-113.
- Муцопулос Е. Аристотель о моральных и экономических кризисах // Вопросы философии. 2016. № 5. С.130.
- Петренко В.Ф. Конструктивизм как новое направление в науке о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 70.
- Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 4.
- Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 50.
- Рзаева Р.О. Конец метанарративов в контексте проблематики прошлого // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 25.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 88.
- Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. 2002. С. 434.
- Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб. 2008. С. 88.
- Хвостова К.В. Современный исторический нарратив // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 10.
- Actes de Docheiariou. Ed. Oikonomidès N. Paris, 1984. No. 7. P. 89.
- Actes de Lavra. Ed. Guillou A., Lemerle P., Papachryssanthou D., Svoronos N. Paris, 1979. Vol. III. No. 133. P. 50.
- Demétrius Cydonès. Correspondance. Ed. par R.-J. Loenertz. Citta del Vaticano. 1960. Vol. II. No. 133.
- Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII. Bonnae, 1885. P. 13.
- Nicephori Gregorae Byzantina Historia. Bonnae, 1830. Vol. II. P. 618.
- Nicephore Gregoras Correspondance. Ed. Guilland R. Paris, 1927. No. 152.
- Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968. P. 21–23, 38, 331–332.
- Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Paris, 1950. P. 130–131.
- Durkheim E. La suicide. Paris, 1960. P. 351.

REFERENCES

- Actes de Docheiariou. Ed. Oikonomidès N. Paris, 1984. No. 7. P. 89.
- Actes de Lavra. Ed. Guillou A., Lemerle P., Papachryssanthou D., Svoronos N. Paris, 1979. Vol. III. No. 133.

- Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968. P. 21–23, 38, 331–332.
- Demétrius Cydonès. Correspondance. Ed. par R.-J. Loenertz. Citta del Vaticano. 1960. Vol. II. No. 133.
- Durkheim E. La suicide. Paris, 1960. P. 351.
- Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Paris, 1950. P. 130–131.
- Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII. Bonnae, 1885. P. 13.
- Nicephore Gregoras Correspondance. Ed. Guillaud R. Paris, 1927. No. 152.
- Nicephori Gregorae Byzantina Historia. Bonnae, 1830. Vol. II. P. 618.
- Agazzi E. Epistemologiya i sotsialnoe: petlya obratnoj svyazi. Voprosy filosofii. 2016. No. 8. S. 63.
- Aristotel. Nikomakhova etika. Filosofiy Gretsii. M., 1999. S. 798.
- Bergson A. Mysl' i dvizhushcheesya. Vozrastanie istiny. Voprosy filosofii. 2007. No. 8. S. 133.
- Durkheim E. Metod sociologii // O razdelenii obshchestvennogo truda. M., 1991. S. 324.
- Gegel' G.V.F. Filosofiya istorii. Spb., 1993. S. 61.
- Heidegger M. Bytije i vremya. Spb., 2002. S. 414.
- Karpenko A.S. Logika determinizma i fenomen proshlogo. Voprosy filosofii. 2017. No. 9. S. 180.
- Kessidi E.H. Byla li u drevnikh grekov istoriya Voprosy filosofii. 1987. No. 8. S. 132.
- Khvostova K.V. Sovremenny istoricheskiy narrative Voprosy filosofii. 2018. No. 2. S. 10.
- Khvostova K.V. Vizantijzkaya zivilizatsiya kak istoricheskaya paradigma. M., 2009. S. 88.
- Maintser K. Vysovy slozhnosti v XXI veke. Mezhdistsiplinarnoe vvedenie. Voprosy filosofii. 2010. No. 10. S. 86.
- Materialisty drevney Gretsii. M., 1954. S. 47.
- Merleau-Ponty M. Femenologiya vospriyatiya. SPb., 1999. S. 21.
- Miller D. Mashinnoe ugadyvanie. Voprosy filosofii. 2012. No. 7. S. 112–113.
- Mytsopoulos E. Aristotel' o moralnykh i ekonomicheskikh krisisakh. Voprosy filosofii. 2016. No. 5. S. 130.
- Petrenko V.F. Konstruktivism kak novoe napravlenie v naukakh o cheloveke. Voprosy filosofii. 2011. No. 6. S. 70.
- Prigozhin I. Filosofiya nestabilnosti. Voprosy filosofii. 1991. No. 6. S. 50.
- Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni // Voprosy filosofii. 1989. No. 8. S. 4.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. Socialnye teorii i iscnoriograficheskaya praktika. M., 2011. S. 88/
- Rzaeva R.O. Konets metanarrativov v kontekste problematiki proshlogo. Voprosy filosofii. 2014. No. 2. S. 25.

Хвостова Ксения Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; kvks@mail.ru

Short historical time

Short historical time is determined as situational and as repeated functional connections of social factors within certain temporal intervals. Kairologique historical time is examined. Short historical time set in opposition to actions of historical agents is analyzed. The connection of ideas of positivism and post-positivism is studied. Relativism in contemporary historical science is analyzed using the examples of material of history of Byzantium.

Keywords: short historical time, kairos, cyclicity, tendencies, induction, mathematical modelling, positivism, post-positivism

Kseniya Khvostova, Dr.Sc (History), Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; hvks@mail.ru